

Мексиканские зарисовки¹

Георгий Хачатуров

Таможня дает добро

Мексиканская таможня забирает добро

В 1998 г. мой брат Борис приехал ко мне в гости на свое 50-летие.

В качестве подарка (мне) он вез сумку с пятью килограммами гречи, которой здесь не достать.

Греча на экране таможенника засветилась цветом оранжевого спасжилета, который должен быть виден спасателю из самолета с высоты нескольких километров.

Таможенник сидел гораздо ближе, и вежливо по-английски спросил: "Что это у вас?"

Боря объяснил.

Таможенник вежливо, с извиняющейся улыбкой, объяснил, что, к величайшему сожалению, он вынужден конфисковать гречу.

При этом он добавил: "Вот если она была в приготовленном виде – тогда, пожалуйста, совсем другое дело."

То есть, чтобы в землю нельзя было посадить...

Всю эту драму, с разрывающимся сердцем, я наблюдал сверху, так как в те годы, зона таможенной проверки не была полностью закрыта от встречающих.

Слов я не слышал, их мне Боря потом передал, но уже было ясно, что греча утрачена безвозвратно.

¹ Вместо копирайта: Если вам понравится настоящий текст, то достойный способ выразить благодарность автору, это поместить в любом сайте, доступном вам для редактирования, гипертекстовую ссылку на страницу оригинала, откуда был скачан текст. Эта страница: <http://newton.uam.mx/xgeorge/PICTURES/>

Мексиканская таможня дает добро

Через пару-тройку лет, оказавшись в Лондоне, в одном заурядном мини-супере я, потрясенный, обратил внимание на два продукта выставленные рядом: на натуральную белую гречу и прокаленную серо-коричневую гречу.

Тут меня осенило, что в России продается только прокаленная греча, неспособная к воспроизводству.

"О, несъеденные килограммы несправедливо конфискованной гречи!" - Только и смог про себя воскликнуть я в тот момент.

Однако новое знание мне придало новые силы.

При следующем пересечении мексиканской границы, я был загружен гречей под завязку.

На таможне ее тут же раскололи, и женщина на аппарате позвала:

"Doctor, por favor."

Иными словами, для подобных ситуаций, там был надзирающий консультант с кандидатской степенью.

Кандидат пришел, увидел прозрачный пакет и сказал:

"Ah, grecha crudo..." (А, сырая греча²...)

Показывая перед подчиненными свою, казалось бы, полную осведомленность.

Однако, не на того попал. В этом дебюте у меня уже была домашняя заготовка:

"No es crudo, es grecha horneado." (Не сырая, а прокаленная греча.) сказал я, гордо двинув бровями.

Таможенник понял, что проиграл.

Он попросил, для проформы, погрызть одно зернышко, и во время эндшпиля этого нашего поединка, как бы преклоняясь перед силой соперника, сказал примирительно:

"No todos lo saben." (Не все это знают.)

И таможня дала добро.

² Поразительно здесь то, что в испанском языке греча называется по другому. Однако русские "котрабандисты" заставили таможенника говорить по-русски.

Российская таможня дает добро

Вообще-то, к хорошей жизни привыкаешь слишком быстро, а некоторые приятные особенности заграничной жизни настолько просты и естественны, что, привыкнув к ним, забываешь, что может быть иначе. И возвращение в грешную нашу реальность обескураживает холодным душем.

Рассуждать на эту тему можно долго, приводя множество примеров, услышав некоторые из которых, мои мексиканские знакомые неверяще смотрят на меня и тихо, отчего непронесенный восклицательный знак слышен еще сильнее, говорят: "No... No puede ser" - "Нет, не может этого быть".

Вот один из таких примеров.

В конце 2001 года я прилетел в Питер после долгого отсутствия в стране могучей.

С собой у меня был университетский лаптоп, довольно дорогой по тем временам, который, естественно, я собирался увозить обратно. А как раз незадолго до этого я прочитал в Интернете о новых ограничениях на цену недекларируемых вывозимых товаров. Мой лаптоп в сумме с фотоаппаратом превышали допустимый порог, но я не знал, относятся ли эти вещи к той категории, которую следует декларировать, или нет.

Казалось бы, ну задекларируй, на всякий случай, и дело с концом. Но это ведь означает несколько лишних минут ожидания встречи с близкими, которые ждут в нескольких метрах. А может из-за этих лишних минут пропустишь последний автобус и потом надо будет платить 50 баксов за такси, что для меня совсем не пустяк.

В общем, я решил уточнить этот момент у таможенника, который в одиночестве ходил около выхода. Людей у него не было никого, так как багаж еще на ленту не приехал. Пять шагов в одну сторону, пять шагов в противоположную, и так много раз.

Подхожу к нему и начинаю: "Извините, я хотел бы уточнить один вопрос по декларированию..."

Таможенник прерывает свое ритуальное шествие, вскидывает свою руку в направлении щита с таможенными правилами, которые я успел уже внимательно прочитать, не найдя там ответа на мой вопрос...

Почему-то мне этот жест напомнил старинный фильм про декабристов, где Аракчеев так же вот вскинул руку и закричал: "В Сибирь, шаго-о-ом марш!" И провинившийся полк пошел в Сибирь.

... Мой же герой не дал мне закончить фразу и в позе Аракчеева произнес: "Вот там написаны все правила, идите и читайте!"

Тут я, естественно, опешил. Такое не могло произойти ни на одной границе, из тех что я пересекал в последние годы во множестве. Да и не только на границе. В конце-концов, он здесь получает зарплату из налогов простых россиян, а не является частным собственником одного метра границы...

Но эти рассуждения, как говаривает мой брат Борис, все стихи и песни... Внутри у меня все как-то задрожало... От такой хамской реакции я давно отвык.

Дальнейший диалог: "Назовите мне ваше имя."

Я, конечно, не кричал, но думаю, хорошо побелел, и возможно стал слегка заикаться, так что чиновнику стало ясно, что он ошибся, но отступить ему было некуда, а извиняться за ошибки хамы не умеют.

"Я вам не обязан называть свое имя."

Ну ничего себе, подумал я. В цивилизованной стране у тебя должна висеть на груди карточка и с именем, и с должностью, ну да ладно...

"Кто ваш начальник? Я хочу разговаривать с ним."

В общем, в конце-концов, его начальник услышал в моем изложении суть инцидента, узнал все, что я думаю по этому поводу, и ответил на мой вопрос о ноутбуке.

Так что ноутбук я задекларировал. При этом, по-видимому, мой ноутбук остался единственным задекларированным за всю историю Питерской таможни: когда через год или два я снова приехал с этим ноутбуком и снова декларировал его же, то на выезде, другой чиновник, словно вспомнив что-то забытое очень-очень давно, достал папку, где в одиночестве лежала моя старинная декларация и сверил ее с новой.

На мой заинтересованный взгляд в папку, он лишь прикрыл ее рукой и ничего не сказал, кроме: "А вы не подсматривайте!"